Renata Bura: Polska, czeska i górnołużycka frazeologia pochodzenia biblijnego a Nowy Testament Jakuba Wujka, Biblia Kralicka oraz Nowy Testament Michała Frencla. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Kraków 2003, 159 S.

Монография Ренаты Бурой, которая является ее докторской диссертацией, композиционно состоит из вступления, пяти глав, заключения и трех индексов (польских, чешских и верхнелужицких библейских фразеологизмов).

Во “Вступлении” (с. 7–11) автор очень кратко останавливается на предшествующих исследованиях библейской фразеологии польского, чешского и верхнелужицкого языков. Называются и никоим образом не комментируются специальные словари польской и чешской фразеологии библейского происхождения.[1] Оценка изученности польской библейской фразеологии ограничивается ссылками на монографию С. Козяры и цикл статей С. Бомбы. Об исследованиях по этой проблематике в чешском языке автор вообще умалчивает.[2] Справедливо констатируя отсутствие монографических описаний библейской фразеологии на материале верхнелужицкого языка, единственными публикациями в этой области автор называет две статьи С. Вельке[3], что не соответсвует истине, поскольку существуют также публикации рецензента[4] и О. Савки[5]. Вообще, фразеологической проблематике во “Вступлении” автор уделяет только одну страницу. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что состояние изученности библейской фразеологии в трех анализируемых славянских языках остается для читателя нераскрытым. Существенным недостатком обзора литературы вопроса является отсутствие упоминаний о многочисленных исследованиях библейской фразеологии в других славянских языках.[6]

Целью своего исследования автор ставит сравнение восходящих к Новому Завету библейских фразеологизмов в польском, чешском и верхнелужицком языках, а также выявление в этом корпусе как общих, так и специфических фразеологических единиц (с. 8). Не менее важной целью Рената Бура считает выявление

---

[1] Komornicka, A. M., Słownik zwrotów i aluzji biblijnych, Łódź 1994; Godyń, J., Od Adama i Ewy zaczynać. Mały słownik biblizmów języka polskiego, Kraków-Warszawa 1995; Ouředník, P., Aniž jest co nového pod sluncem. Slova rčení a úsloví biblického původu, Praha 1994.

[2] См. например: Friš, O., Sodoma Gomora, в: Naše řeč 1938, № 22, с. 194–198; Kovářová, St., Proč se říká?, Olomouc 1994; Spalová, O. a kolektiv, Co to je, když se řekne ..., Praha 1969 и др.

[3] Wölke, S., Krokodilske sylzy, в: Rozhlad 46 (1996) 10, с. 391–392; Wölke, S., Wo Abrahamje a starych wěcach, в: Rozhlad 47 (1997) 2, с. 78–79.

[4] Ивченко, А., Библия и верхнелужицкая фразеология, в: Frazeologia a religia. Tezy referatów międzynarodowego sympozium naukowego, Opole, 4–6 września 1996 r., Opole 1996, с. 122–124; Івченко, А., Біблійна фразеологія верхньолужицької мови, в: Питання сорабістики. VI–VII міжнародні сорабістичні семінари, Львів 1999, с. 190–196.

[5] Савка, О., Статус біблійного ономастичного компонента у фразеології лужицької, словацької та української мов, в: Питання сорабістики, Львів 2000, с. 74–78; Савка, О., Фразеологія серболужицької, словацької та української мов з біблійним ономастичним компонентом, в: Lětopis 49 (2002) 1, с. 131–147.

[6] См.: Бетехтина, Е. Н., Фразеологические библеизмы с ономастическим компонентом в современном русском языке (на фоне английского): Автореф. дисс. […] канд. филол. наук, Санкт-Петербург 1995, 16 с.; Шанский, Н. М., Евангельский текст и фразеология русского языка, в: Русский язык в школе 1995, № 3–6.

фразеологизмов, которые непосредственно восходят к Новому Завету Якуба Вуйка, Кралицкой Библии и Новому Завету Михала Френцеля. Именно эти издания она избрала источником документации библейской фразеологии соответствующих языков (с. 11).

Глава I. *Новый Завет Якуба Вуйка, Кралицкая Библия, Новый Завет Михала Френцеля и их значение для развития польского, чешского и верхнелужицкого языков* (с. 13–37) представляет из себя довольно подробный обзор литературы о языке переводов этих книг, которые сыграли особенно важную роль в развитии соответствующих славянских языков. Для сорабистики особый интерес представляет фрагмент, посвященный переводу Нового Завета Михала Френцеля, изданного в 1706 году. Исследовательница, опираясь на публикации М. Горника, Х. Шустера-Шевца, Т. Левашкевича, Е. Сятковской, убедительно демонстрирует его выдающуюся роль в создании верхнелужицкого литературного языка.

Глава II. *Библеизм и библейский фразеологизм – попытка дефиниции и классификации* (с. 39–46) посвящена анализу терминологии, которая используется в описаниях библейской лексики и фразеологии. Хотя исследовательница анализирует терминологию исключительно польских фразеологов, напр., Я. Годыня, Е. Сикорской, В. Хлебды, она не упоминает о терминологической системе принятой в монографии С. Козяры. Рената Бура, вслед за Е. Сикорской, среди фразеологизмов библейского происхождения выделяет три группы единиц: цитаты, парафразы и фразеологизмы, которые касаются характеристики лиц или понятий, представленных в Библии (с. 45). Как нам кажется, принятая в книге классификация является неполной и терминологически нечеткой. Еще большую теоретическую путаницу вносит автор монографии утверждая, что библейская фразеология относится к крылатым выражениям (с. 45), хотя в современной лингвистике эти виды устойчивых выражений принципиально различаются. По нашим наблюдениям, библейская фразеология включает в себя следующие виды фразеологизмов:

1) **цитатные фразеологизмы** – цитаты из Старого и Нового Заветов и их дериваты,
2) **имплицитные фразеологизмы,** которые образовались вследствие импликации (сжатия) различных по объему библейских или апокрифических текстов,
3) **эксплицитные фразеологизмы,** возникшие в результате экспликации (расширения) лексического библеизма или включения его в уже существующую фразеологическую модель,
4) **народно-этимологические фразеологизмы,** которые являются народноэтимологическими трансформациями библейских фразеологизмов.

Глава III. *Польско-чешско-верхнелужицкий словарь фразеологизмов библейского происхождения* (с. 47–101) – наиболее значительная по объему часть рецензируемой монографии. Словарь включает около 160 библейских фразеологизмов, выбранных из ряда польских и чешских фразеологических словарей, но, к сожалению, в нем отсутствует документация библейских фразеологизмов всех трех языков. Трудно понять, почему среди польских источников отсутствует “Nowa księga przysłów polskich [...]” под ред. Ю. Кжижановского, самый значительный компендиум польской фразеологии и паремиологии. Верхнелужицкий материал используется как из двуязычных словарей верхнелужицкого языка Ю. Краля,

Х. Пфуля, Ф. Резака, так и из паремиологических публикаций Яна Радысерба-Вели. Автор монографии не воспользовалась, однако, "Фразеологическим словарем верхнелужицкого языка"[7], в котором представлено значительное количество библейских фразеологизмов, а также словарями Г. Земана и К. Трофимовича. Важным способом выявления верхнелужицкого фразеологического материала явилось анкетирование 33 человек, как католиков, так и протестантов. К сожалению, Рената Бура ничего не говорит о структуре анкеты, методике сбора материала и о полученных количественных результатах.

Материал в словаре делится на шесть подразделов: A – фразеологические единицы с полной эквивалентностью в польском, чешском и верхнелужицком языках; B – польские фразеологические единицы с неполной эквивалентностью в чешском или верхнелужицком языках; C – фразеологические единицы зафиксированные только в чешском и верхнелужицком языках; D – фразеологические единицы зафиксированные только в польском языке; E – фразеологические единицы зафиксированные только в чешском языке; F – фразеологические единицы зафиксированные только в верхнелужицком языке (с. 48). Автор специально не оговаривает критериев определения полной или неполной эквивалентности, что в процессе чтения словаря вызывает многочисленные вопросы. Например, на с. 57 к польскому фразеологизму *głos wołającego na puszczy* как полный эквивалент подается „гипотетический" верхнелужицкий фразеологизм (полученный в результате анкетирования) *podarmo rěčiš kaž w pusćinje prědar*. Эти фразеологизмы отличаются между собой структурно и семантически, хотя в верхнелужицком языке действительно существует полный эквивалент, ср. *hłós wołaceho na (w) pusćinje*[8]. Таких пропусков или неточностей в словаре можно найти немало. Так, на с. 76 в словарной статье с заглавным польским фразеологизмом *chodzić od Annasza do Kajfasza* и соответствующим чешским эквивалентом отсутствует верхнелужицкий фразеологизм *běhać wot Anasa ke Kaifasej*[9], а на с. 91 польский фразеологизм *oddzielać (odłączyć) owce od kozłów* представлен как безэквивалентный, хотя в верхнелужицком существует его полный эквивалент, ср. *wowcy wot kózłow rozrisać*[10], на с. 96 как безэквивалентный подается чешский фразеологизм *cediti komára a velblouda požirati* при наличии абсолютного верхнелужицкого эквивалента, ср. *kuntwory cydźić a škabry póžěrać*.[11]

Объективность сравнения в значительной мере зависит от полноты материала, поэтому трудно объяснить отсутствие в словаре многочисленных верхнелужицких библейских фразеологизмов, восходящих к Новому Завету: *alfa a omega*, *kniha ze sydom pječatami*, *krej a pót so poćić*, *słać wot Poncija k Pilatej někoho*, *kaž šupizny z wočow padać*, *ani posoł ani wosoł*, *wjelka za wowčerja přistajić*, *ćernjojty puć*, *syć na kamjeń*, *falšny kaž Judaš*, *so dać za krošik Judaša honić*, *zadwělowany kaž přeradnik Judaš*, *wjelk we wowčej koži* и т. д.

Глава IV. *Польская, чешская и верхнелужицкая фразеология библейского происхождения – анализ* (с. 103–126) посвящена семантическому и формальному анализу материалов, представленных в словаре. Результаты проведенного анализа

---

[7] Ивченко, А. А., Идеографическое и ареальное описание фразеологии верхнелужицкого языка: Дис. [...] канд. филол. наук, Ленинград 1987, Т. 1, 169 с., Т. 2, 301 с.

[8] Ivčenko, A., Wölke, S., Hornjoserbski frazeologiski słownik, Budyšin 2004, c. 75.

[9] Nawka, A., Pod wopačnej łopaću, Budyšin 1961, c. 139.

[10] Ivčenko, A., Wölke, S., Hornjoserbski frazeologiski słownik, c. 413.

[11] Там же, с. 173.

показали, что польско-чешский материал соответствует полностью или частично почти на 70 %, только 30 % фразеологизмов зафиксированы в одном из сравниваемых языков. Сравнение польского и верхнелужицкого материала выявило, что только 60 % фразеологизмов имеют полные или частичные эквиваленты, 35 % известны только в польском и 5 % только в верхнелужицком. Похожие результаты дало сравнение чешского и верхнелужицкого материала. Здесь мы имеем 60 % полных или частичных соответствий, 31 % характерен только для чешского языка и 9 % для верхнелужицкого. Как видно, анализ продемонстрировал очень низкий уровень оригинальности библейской фразеологии верхнелужицкого языка.

Глава V. *Новый Завет Якуба Вуйка, Кралицкая Библия и Новый Завет Михала Френцеля как источники польской, чешской и верхнелужицкой библейской фразеологии (?)* (с. 127–135) посвящена аргументации в защиту довольно спорного тезиса о том, что большинство фразеологизмов имеет свой прототип в старших переводах Библии (с. 135). Посмотрим, какие доказательства приводит автор в отношении верхнелужицкой фразеологии. Из приблизительно 160 фразеологизмов Рената Бура сверила с текстом Нового Завета Михала Френцеля 41 верхнелужицкий фразеологизм, поскольку соотнести можно только цитатные фразеологизмы (с. 128). Результат сверки показал, что только 50 % сверенных фразеологизмов формально совпадает с текстом Михала Френцеля (с. 130). Как можно убедиться, только 20 фразеологизмов из 160 гипотетически могут непосредственно восходить к Новому Завету Михала Френцеля. Мы не обсуждаем аргументы и выводы, касающиеся польских или чешских фразеологизмов, но в отношении верхнелужицкой библейской фразеологии тезис автора монографии остался недоказанным.

В **Заключении** (с. 137–139) подводятся итоги настоящего исследования. Результаты анализа продемонстрировали значительное сходство библейской фразеологии трех проанализированных языков. Причинами такой ситуации Рената Бура считает несколько факторов: „1) совместное заимствование греческих и латинских, а опосредовательно также древнееврейских конструкций [...]; 2) похожее восприятие и интерпретация определенных явлений и событий; 3) похожая оценка определенных персонажей и человеческих поступков [...]“ (с. 138). Исследовательница отмечает более высокий уровень сходства между библейской фразеологией польского и чешского языков, чем между этими двумя языками и верхнелужицким, а также тот факт, что в верхнелужицком языке таких фразеологизмов несколько меньше (с. 138). Абсолютно справедливо причиной этого явления автор считает неразвитость высокого стиля в верхнелужицком языке. Как нам кажется, еще одной причиной является недостаточное выявление библейской фразеологии верхнелужицкого языка автором рецензируемой монографии.

Несомненную практическую ценность представляют индексы библейских фразеологизмов (с. 141–152), в особенности следует отметить Индекс верхнелужицких фразеологизмов, поскольку в таком объеме библейская фразеология этого языка представлена впервые.

Отдельно следует сказать о Библиографии данного исследования. Она включает как источники, так и теоретические работы. По нашим наблюдениям, из 89 теоретических работ менее половины посвящено фразеологии, а всего 16 позиций непосредственно библейской фразеологии. Для монографии, посвященной библейской фразеологии трех славянских языков, этого явно недостаточно.

Настоящее исследование является важным вкладом в изучение верхнелужицкой фразеологии прежде всего в диахроническом аспекте, поскольку этот аспект, за редким исключением, оставался за пределами внимания сорабистов.

Замечания, высказанные выше, лишь подтверждают необходимость создания специального "Словаря библейской фразеологии верхнелужицкого языка", в котором фразеологизмы, генетически восходящие к полному тексту Библии, будут выявлены и описаны в максимально полном объеме в семантическом, фразеообразовательном и этимологическом аспектах. Важным элементом такого словаря должна стать хронологическая атрибуция библейских фразеологизмов верхнелужицкого языка в художественных и публицистических текстах, а также сравнение корпусов верхнелужицкой и немецкой библейской фразеологии.

Анатолий Ивченко

Paul Wexler: Two-tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect. Mouton de Gruyter: Berlin-New York 2002 (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs; 136), 713 S.

Der vorliegende Band Nr. 136 in der Mouton de Gruyter-Serie „Trends in Linguistics. Studies and Monographs" setzt die von Prof. Paul Wexler Anfang der 90er Jahre begonnene Untersuchung der Entstehung des Jiddischen[1] fort und schlägt einen Algorithmus für die Voraussage des Resultats eines gegebenen Relexifizierungsprozesses vor. Die Hypothese einer judäo-sorbischen Grundlage des Jiddischen fand einen gemischten Widerhall in der Literatur.[2] Im Fazit muss allerdings gesagt werden, dass Paul Wexlers Hypothese von den Kommentatoren zwar angezweifelt, aber in keiner Weise widerlegt werden konnte. Eine solche Widerlegung dürfte bei der eingehenden Beweisführung in Wexlers neuem Werk noch viel schwieriger sein. Es soll hier der Inhalt der fünf Kapitel in „Two-tiered Relexification ..." zusammengefasst und gegebenenfalls mit Beispielen erklärt werden. Der Anhang des Werks besteht aus einem ausführlichen Literaturverzeichnis von über 70 Seiten, einem Personenregister, einem Wortregister von mehr als 50 Seiten und einem Sachregister.

In der Einführung beginnt Paul Wexler seine Untersuchung mit einer literarischen Anekdote aus der Satire *Der junge Gelehrte* des 1729 im obersorbischen Kamenz/ Kamjenc geborenen deutschen Dichters und Dramaturgen Gotthold Ephraim Lessing. Nachdem sich Damis, ein eingebildeter junger Student, seiner vielfältigen Sprachkenntnisse rühmte, entgegnet sein Diener Anton: „Mein Vetter war ein Wende; ich kann Wendisch; und das können Sie nicht."[3] Darauf antwortet der „allwissende" Damis:

> Er hat Recht. – Mein Bedienter soll eine Sprache verstehen, die ich nicht verstehe? Und noch dazu eine Hauptsprache? Ich erinnere mich, daß ihre Verwandtschaft mit

---

[1] Paul Wexler, *Yiddish – The Fifteenth Slavic Language*, Berlin-New York 1991 (*International Journal of the Sociology of Language*, Bd. 91, hrsg. von Joshua A. Fishman).

[2] Ebenda, S. 151 f. (Kommentare von Bernard Comrie, James R. Dow und Thomas Stolz, Paul Glasser, Neil Jacobs, David F. Marshall, Gunter Schaarschmidt, Heinz Schuster-Šewc, Edward Stankiewicz).

[3] Gotthold Ephraim Lessing, *Der junge Gelehrte*, Leipzig 1754. (Reprint: *Werke* 1:285, München 1970.)